

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-14-19

УДК 323(045)

Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности*

П.С. Селезнёв^а, М.Л. Челнокова^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5144-1082>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена специфике формирования несистемной оппозиции в начале XXI в. (2000–2020 гг.). В рамках данного исследования под несистемной оппозицией понимается слабо структурированный конгломерат политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за институциональные изменения российской политической системы. В работе указывается, что с 2000 по 2020 г. российская несистемная оппозиция пережила три этапа трансформации. Сегодняшний подъем несистемного движения произошел в 2017–2018 гг. и был обусловлен очередным электоральным циклом и последовавшей за ним пенсионной реформой. Отмечается, что у несистемных акторов не сложилась четкой стратегии поведения, но можно говорить о трех «прото-стратегиях»: бойкоте, ситуативной интеграции и агрессивном противодействии.

Ключевые слова: несистемная оппозиция; политическая система; политические трансформации; протест; стратегия бойкота; стратегия «рациональной интеграции»; стратегия агрессивного противодействия

Для цитирования: Селезнев П.С., Челнокова М.Л. Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):14-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-14-19

ORIGINAL PAPER

Non-systemic Opposition in Modern Russia: Features of Formation and Strategies of Political Activity**

P.S. Seleznev^а, M.L. Chelnokova^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5144-1082>

ABSTRACT

The article is devoted to the specifics of the formation of non-systemic opposition at the beginning of the 21st century. In this study's framework, we understood non-systemic opposition as a non-structured conglomerate of political actors outside or on the periphery of the legal field and advocate both a radical change in the current political course institutional changes the Russian political system. We indicated that from 2000 to 2020, Russian non-systemic opposition had three stages of transformation. The recent rise of the non-systemic movement started in 2017–2018 and was determined by the electoral cycle and the pension reform. We also noted that non-system actors do not have a distinct strategy of behaviour. But we can outline three "proto-strategies": boycott, situational integration and aggressive.

Keywords: non-systemic opposition; political system; political transformations; protest; boycott strategy; "rational integration" strategy; aggressive counteraction strategy

For citation: Seleznev P.S., Chelnokova M.L. Non-systemic opposition in modern Russia: Features of formation and strategies of political activity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):14-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-14-19

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета «Качество жизни населения как фактор национальной безопасности и инструмент достижения целей устойчивого развития РФ» (прикладная НИР-43).

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order to the Financial University "The quality of life of the population as a factor of national security and a tool for achieving the goals of sustainable development of the Russian Federation" (applied research work NIR-43).

ВВЕДЕНИЕ

Тематика несистемной оппозиции в современной России, ее роли в политическом процессе пользуются заслуженным и все возрастающим вниманием политологического сообщества. Причем речь идет не только о теоретических изысканиях ученых, но и мнениях экспертов, политических технологов, обращающих внимание на тот факт, что сегодня именно несистемные игроки во многом формируют ландшафт российской политики — противоречивый, многослойный и динамичный.

По существу, несистемная оппозиция — явление, не новое для постсоветской России. Но именно в последнее время (2018–2020 гг.) социально-политическая турбулентность, нарастающая после пенсионной реформы, ряда других непопулярных шагов действующей власти, массовой фрустрации в условиях эпидемии COVID-19 и связанного с ней режима самоизоляции, стала благодатной почвой для активизации несистемных оппозиционных сил (как на федеральном, так и на региональном, локальном уровнях), способствовала всплеску политического протеста в различных точках Российской Федерации.

В данной статье хотелось бы сконцентрировать внимание на двух исследовательских вопросах. Во-первых, на осмыслении того, как в последние годы формировалось несистемное пространство российской политики? Во-вторых, не менее важны вопросы: какие стратегии политического поведения (активности) использует российская несистемная оппозиция на современном этапе? как она пытается «вписаться» в социальный запрос на перемены? (или, наоборот, конструировать и усилить его в массовом сознании?).

Безусловно, осознавая длительность «традиции оппозиции» в России, ее неоднозначность, а также многообразие соответствующих политических практик в постсоветский период, мы считаем операционально необходимым ограничить рамки данного исследования 2000–2020 гг. — временем становления и трансформаций институциональных оснований «путинской республики», когда, по существу, кристаллизовался каркас политической системы «новой» (современной) России.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проблематика несистемной оппозиции в ее научном измерении представлена тремя базовыми блоками исследований. *Первый блок — работы, непосредственно посвященные деятельности не-*

системных политических сил в России в условиях неоднократно и порой кардинально менявшейся повестки дня 2000–2020-х гг. [1, 2]. *Второй блок можно условно назвать технологическим*; в его рамках особый интерес представляют исследования, связанные с контекстом взаимоотношений «власть–оппозиция» в постсоветской России, методы властного противодействия таким политическим силам [3, 4]. *Третий блок — исследования российского политического протеста*, инициатором которого на всех уровнях (от общенационального — «против фальсификаций на выборах» и «против коррупции» до локального — «против мусорных свалок»), как правило, также выступают акторы политического протеста, формально не вписанные в правовое поле российской политики либо находящиеся на его периферии [5–7].

Необходимо отметить, что большинство указанных исследований признают значимость несистемной оппозиции как весомого «игрока», во многом определяющего векторы эволюции (инволюции) российской политической системы, подчеркивают важность ее изучения как одного из политических субъектов «эпохи постправды», в которой физическая и симулятивная «реальности» не только дополняют друг друга, но и органически сливаются, образуя некую гибридную, крайне неустойчивую политико-динамическую среду, порождающую не только медийные фейки и политические риски, но и потенциал возможностей, а в перспективе — и «окно» общероссийской социальной модернизации [8, с. 91]. То есть несистемная оппозиция должна рассматриваться, скорее, не как помеха, камень преткновения, мешающий формированию устойчивой политической системы в России, а, скорее, как инструмент ее частичного оздоровления, в том числе, посредством жесткого, неконвенционального оппонирования действующей власти. В связи с этим уместно вспомнить недавние слова Президента России В.В. Путина о том, что несистемная оппозиция «нужна» и «не является врагом государства»¹.

Тем не менее в интернет-пространстве достаточно часто звучит и другая точка зрения от тех, кто скептически отзываясь о несистемном факторе в российской политике: «урок существования несистемной оппозиции в России один — власть сегодня невозможно сдвинуть ни парла-

¹ Путин: несистемная оппозиция не является врагом государства. URL: <https://tass.ru/politika/7999199>.

ментскими методами, ни непарламентскими. Но при использовании последних возрастает опасность суровых санкций государства...»².

Руководствуясь многочисленными интерпретациями и описательными концепциями феномена несистемности в политике, мы считаем возможным определить несистемную оппозицию как *совокупность политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля, как правило, осознанно не принимающих активного участия в выборах различных уровней и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за серьезные институциональные изменения сложившейся политической системы.*

Важно заметить, что на протяжении последних двадцати лет (с 2000 г.) российское общество испытало на себе воздействие нескольких волн активизации несистемной оппозиции. Причем каждая из них в той или иной мере была привязана к новому электоральному циклу, вытекала из подготовки игроков, вытесненных на периферию политического поля, к очередному знаковому транзиту власти (поиск преемника в 2007 г., гадание на следующего президента — 2011 г., проблема-2024 в 2018–2020 гг.).

Развитие несистемного вектора российской политики в 2000–2008 гг. протекало в условиях кристаллизации жесткой вертикали власти, высокого уровня доверия персонально к Президенту России В.В. Путину, которое проецировалось и на выстраиваемую им конфигурацию государственного управления (институциональная коррупция в тот период воспринималась как меньшее зло, чем беспредел 1990-х гг. и угроза распада страны, дезорганизации и тотального коллапса всех уровней власти). Однако важно заметить, что обратной стороной указанного процесса стала неизбежная утрата актуальности и наметившаяся маргинализация системных оппозиционных акторов в лице «традиционных» парламентских партий, прежде всего КПРФ и ЛДПР, не говоря уже о глубоком кризисе «либеральной» части российского партийного спектра (достаточно вспомнить, что по результатам выборов 2003 г. ни «Яблоко», ни СПС не попали в Государственную Думу ФС РФ).

То есть процесс распада партийного рынка РФ, сложившегося в «лихие девяностые», имел двойственное следствие. С одной стороны, про-

исходила усиленная, массовая консолидация граждан России вокруг фигуры В.В. Путина, что автоматически ретранслировалось в рост рейтинга партии власти (имеется в виду не только «Единая Россия», но и политики регионального или местного уровня, так или иначе, ассоциировавшиеся в сознании людей с В.В. Путиным и/или ЕР). С другой стороны — часть антипутински настроенного электората лишалась возможности репрезентации собственных интересов парламентским путем и выталкивалась в некое теневое поле [9]. Таким образом, уже на рубеже 2000–2010-х гг. достаточно четко оформились три звена российской несистемной оппозиции: условно «левое» (недовольное «соглашательской» позицией КПРФ), «либеральное» и националистическое. Последнее некоторое время проявляло наибольшую активность («русские марши», связь с футбольными фанатами и т.п.) и демонстрировало откровенно деструктивные модели поведения. Но в начале 2010-х гг. (после «восстанияСпартака» в 2010 г.)³ по нему был нанесен серьезный удар как в медийном пространстве, так и со стороны правоохранительных органов.

События 2011–2012 гг. стали следующей заметной вехой в развитии российской несистемной оппозиции. Если в начальной своей фазе выступления рассерженных горожан, скорее, можно квалифицировать именно как массовый гражданский протест (и против фальсификаций на выборах в Государственную Думу — 2011, и против де факто «автоматической» передачи власти, состоявшейся 24 сентября 2011 г.), то после президентских выборов 4 марта 2012 г. произошла резкая идеологизация и радикализация оппозиционных выступлений и, как следствие, фрагментация и без того неустойчивой, ситуативной коалиции оппозиционеров («левые» во главе с С. Удальцовым, сторонники А. Навального, группы «молодых либералов» и «умеренных», концентрировавшиеся вокруг И. Яшина и Г. Гудкова соответственно). Такое развитие событий позволило власти, во-первых, купировать протест как таковой и, во-вторых, перейти к гораздо более жесткому и последовательному давлению на несистемную оппозицию (прологом чему стало «болотное дело»). В дальнейшем «крымский консенсус» привел к окончательной маргинализации политических

² URL: <https://news.ru/politics/blesk-i-nisheta-nesistemnoj-oppozicii/>.

³ URL: <https://profile.ru/archive/vosstanie-spartaka-123171/>.

актеров, находящихся за пределами официального политического дискурса Кремля.

Подобная ситуация продолжалась до 2017–2018 гг., которые стали очередной точкой бифуркации в жизненном цикле российской несистемной оппозиции, ознаменовали ее частичную реинкарнацию в качестве заметного (пусть и не влиятельного) актора политической динамики. На наш взгляд, подобная ситуация была обусловлена *сочетанием четырех главных обстоятельств*:

1) нарастанием «эффекта усталости» от действующей власти, который усиливался отсутствием роста реальных доходов граждан;

2) истощением эффекта «крымской эйфории»: стало очевидно, что постоянное обсуждение украинского вопроса на общенациональных телевизионных каналах не в состоянии полностью перекрыть внутрироссийские проблемы, которые находятся в повестке дня, диктуемой социальными медиа рунета;

3) приближением электорального цикла 2017–2018 гг., под который оппозиция анонсировала и успешно провела ряд заметных антикоррупционных кампаний против людей из высших эшелонов действующей власти («он вам не димон», «шубохранилище якунина» и т.п.).

4) пенсионной реформой 2018 г., отрицательно воспринятой значительной частью российского общества и крайне негативно сказавшейся на рейтингах партии власти в целом и отдельных ее представителей (включая кандидатов на региональных и муниципальных выборах, которые не были причастны к принятию данного решения) [10, с. 75].

Представляется, что именно симбиоз указанных факторов в сочетании с тотальной интернетиризацией политического (шире — социального) пространства России и стал залогом активизации и отчасти роста влияния несистемной оппозиции на политические практики последнего времени. Однако такое развитие событий порождает вопросы: насколько несистемная оппозиция готова к консолидации? какие стратегии поведения (активности) она готова предложить тем сегментам российского социума, которые в разной степени не удовлетворены политикой действующей власти, причем как федеральной, так и на местах?

Если в рамках первого вопроса большинство политических экспертов, занимающихся исследуемой проблематикой, сходятся во мнении, что

консолидационный потенциал несистемных игроков невелик (даже не в силу острых идейных разногласий, а по причине личных амбиций многочисленных лидеров), то вопрос о стратегиях поведения выглядит более сложным. Мы считаем, что сегодня уместно говорить о неких трех протостратегиях, контуры каждой из которых достаточно расплывчаты и вариативны. Первая может быть условно охарактеризована как «стратегия бойкота». Ее наиболее яркая репрезентация — призыв ряда несистемных лидеров (в основном из праволиберального спектра) не участвовать в голосовании о внесении поправок в Конституцию РФ (поскольку, по их мнению, и голосование как юридическое действие «незаконно», и фальсификации «неизбежны», и «все поправки уже приняты Думой...»). По существу, данная стратегия предполагает перенос «центра тяжести» оппозиционной деятельности в интернет-пространство с целью дальнейшего конструирования «антивластного дискурса», эскалации массового недовольства государством на всех уровнях его деятельности.

Вторая стратегия основана на рациональной (ситуативной) интеграции в электоральные процессы и одновременно — организации протестных акций (преимущественно, легального характера). Ее примерами могут служить «умное голосование» 2019 г., призывы голосовать против поправок в Конституцию РФ, одновременно «закрыв» максимальное число участков наблюдателями с целью минимизировать возможные фальсификации, одиночные пикеты и ставшие популярными летом 2020 г. «прогулки» малых групп оппозиционеров с элементами флэшмобов (например, кормлением голубей!).

Третья стратегия — эпизодическое агрессивное противодействие — стала наименее популярной среди несистемной оппозиции и все более носит эпатажный характер. Как правило, она продвигается либо политиками, оказавшимися за пределами России (В. Мальцев и др.) и желающими таким образом напомнить о себе, либо радикальными элементами из праволиберального крыла оппозиционеров. На наш взгляд, потенциал данной модели поведения серьезно ограничен действиями власти, направленными как на силовое подавление самих несистемных выступлений, так и на превентивное пресечение любых попыток их возможной организации в будущем (дело «нового величия» и т.п.).

ВЫВОДЫ

Учитывая все вышесказанное, можно сделать ряд наиболее значимых выводов.

Во-первых, под несистемной оппозицией следует понимать весьма разрозненный, слабо структурированный конгломерат политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля, как правило, осознанно не принимающих активного участия в выборах различных уровней и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за институциональные изменения российской политической системы.

Во-вторых, с 2000 по 2020 г. российская несистемная оппозиция пережила как минимум три этапа трансформации. Так, всплеск ее активности на рубеже 2000–2010-х гг., апофеозом которого стали массовые «болотные» выступления 2011–2012 гг., сменился глубоким спадом и фактической маргинализацией всех несистемных акторов российской политики. Следующий подъем несистемного движения произошел в 2017–2018 гг. и был связан с очередным элек-

торальным циклом. При этом триггером массовых антивластных выступлений и ситуативной консолидации различных по своей идеологии сил стала пенсионная реформа — 2018, ее неприятие разными сегментами российского общества.

В-третьих, на сегодняшний день у несистемных акторов политического процесса не сложилось какой-либо четкой консолидированной стратегии поведения. Но можно говорить о неких трех образах стратегий — протостратегиях, которые носят реактивный характер и отражают различные механизмы реагирования на действия власти. Первая — бойкот — предусматривает отказ от участия в электоральных процессах и перенос центра тяжести политической активности в рунет. Вторая — ситуативная интеграция — предусматривает возможность частичного участия в выборах и делает акцент преимущественно на разрешенных законом способах политической борьбы. Третья — агрессивное противодействие — крайне ограничена в инструментальном плане и отражает установки наиболее радикальной части российской несистемной оппозиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондратьев В. С. Несистемная оппозиция в России: основные подходы к рассмотрению политического феномена. *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2012;(1):17–22.
2. Медведев Н. П., Борисенко А. В. Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной России. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007;(4):150–155.
3. Михайленок О. М., Щенина О. Г. Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия. *Власть*. 2016;(7):24–29.
4. Проничев В. А. Оппозиция как субъект политического процесса в Российской Федерации. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010;(3):96–99.
5. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):139–158.
6. Пономарев Н. А. Протестный дискурс подготовительного этапа митингов 26 марта 2017 г. *Информационные войны*. 2018;(1):16–20.
7. Титов В. В., Самохвалов Н. А. К вопросу о некоторых причинах омоложения протестных настроений в России. *Via in tempore. История. Политология*. 2020;(1):211–217.
8. Евгеньева Т. В., Губченко В. А. Психологические особенности формирования оппозиционной повестки дня в сети Интернет. *Политическая наука*. 2017;(5):385–401.
9. Королев Е. А. Кризис партийной системы как фактор ограничения политического плюрализма. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2014;(4):114–119.
10. Будрайтскис И. Б. Российская пенсионная реформа и сопротивление: уроки отсутствовавшего движения. *Социология власти*. 2018;(4):69–105.

REFERENCES

1. Kondratyev V. S. Non-systemic opposition in Russia: the main approaches to the consideration of phenomena. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy* = *Pro Nunc. Modern political processes*. 2012;(1):17–22. (In Russ.).
2. Medvedev N. P., Borisenko A. V. Non-systemic opposition in the political space of modern Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologija. Ekonomika. Informatika* =

Scientific statements of the Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Informatics. 2007;(4):150–155. (In Russ.).

3. Mikhailenok O. M., Shchenina O. G. Power and non-systemic opposition as subjects of political accordance. *Vlast.* 2016;(7):24–29. (In Russ.).
4. Pronichev V. A. Opposition as a subject of the political process in the Russian Federation. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences.* 2010;(3):96–99. (In Russ.).
5. Titov V. V. Strategies of social protest of youth in Runet: a comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes.* 2020;(3):139–158. (In Russ.).
6. Ponomarev N. A. Protest discourse of the preparatory stage of the rallies on March 26, 2017. *Informacionnye vojny = Information wars.* 2018;(1):16–20. (In Russ.).
7. Titov V. V., Samokhvalov N. A. On the question of some reasons for the rejuvenation of protest sentiments in Russia. *Via in tempore. Istorija. Politologija = Via in tempore. History. Political science.* 2020;(1):211–217. (In Russ.).
8. Evgenieva T. V., Gubchenko V. A. Psychological features of the opposition agenda's formation on the Internet. *Politicheskaja nauka = Political Science.* 2017;(5):385–401. (In Russ.).
9. Korolev E. A. Party system crisis as a factor limiting political pluralism. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Izvestia of the Herzen Russian State Pedagogical University.* 2014;(4):114–119. (In Russ.).
10. Budraitskis I. B. Russian Pension Reform and Resistance: Lessons from the Absent Movement. *Sociologija vlasti = Sociology of power.* 2018;(4):69–105. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Сергеевич Селезнёв — доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии, первый заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
pseleznev@fa.ru

Мария Леонидовна Челнокова — педагог-психолог лицея, Финансовый университет, Москва, Россия
MLChelnokova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Professor at the Department of Political Sciences, the First Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
pseleznev@fa.ru

Maria L. Chelnokova — educational psychologist at Lyceum, Financial University, Moscow, Russia
MLChelnokova@fa.ru

Статья поступила 30.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.